

АЛРИЯ ГРИМВУД

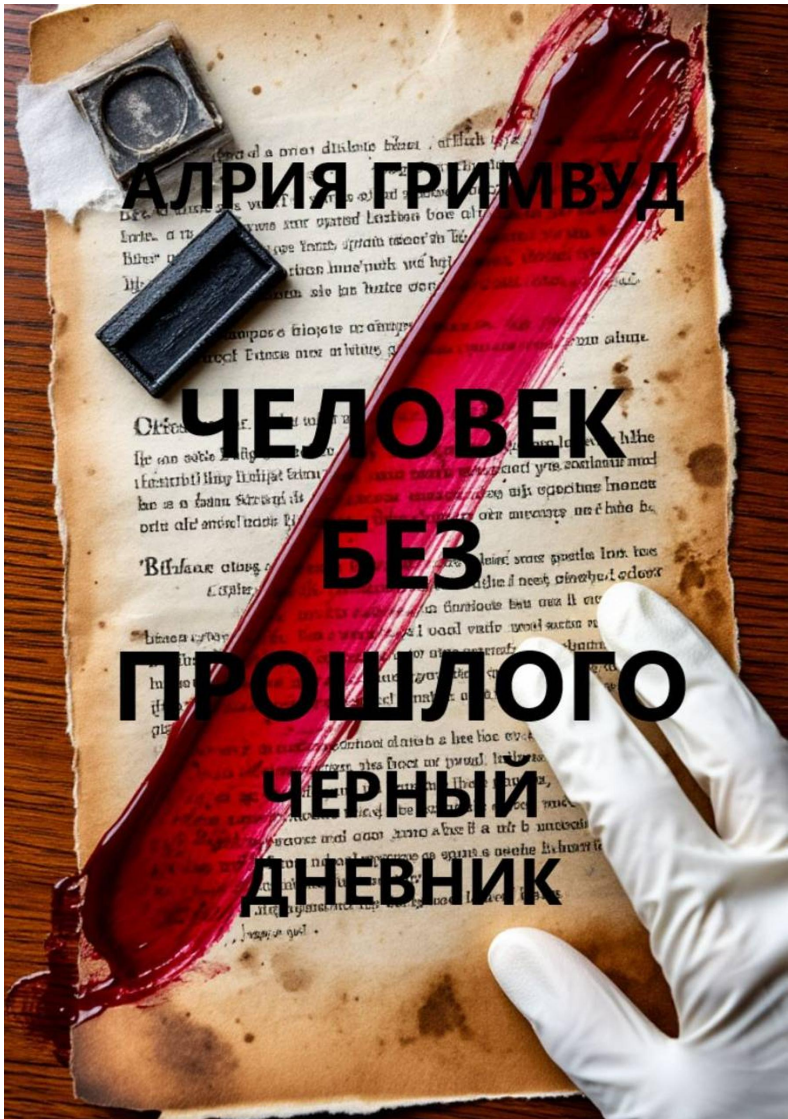
ЧЕЛОВЕК

БЕЗ

ПРОШЛОГО

ЧЕРНЫЙ

ДНЕВНИК

Алрия Гримвуд

Человек без прошлого.

Черный дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73198313

SelfPub; 2026

Аннотация

Расследуя смерть психолога в клинике «Элевсис», следователь Макар Ильин находит яд «С-12» и узнаёт о «Проекте 12» – системе, стирающей прошлое и создающей новые биографии. Вскоре он понимает, что его собственная личность и память тоже были стёрты этой системой. Чтобы найти убийцу, ему придётся раскрыть правду о себе.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алрия Гримвуд

Человек без прошлого.

Черный дневник

Пролог

Будильник прозвенел в шесть ноль-ноль. Макар открыл глаза. Трещина на потолке, от угла к люстре, опять мозолила глаза. Тридцать семь сантиметров. Он измерил её четыре года назад, в первую неделю после заселения.

Он поднялся с кровати. Паркет под босыми ногами был холодным. Два шага до окна. Прежде чем раздвинуть штору, он заглянул в щель у края. Улица была пуста. Фонари ещё горели. Ни одной новой машины у тротуара.

Макар прошел на кухню и включил электрочайник. Пока вода грелась, он обошёл квартиру. Проверил дверь – оба замка заперты, цепочка на месте. Окна в спальне и гостиной закрыты. На подоконнике в гостиной слой пыли лежал ровно, без следов. Посторонних не было.

В ванной он умылся. В зеркале он увидел обычное лицо мужчины около сорока. Ни одной запоминающейся черты. Ни шрамов, ни родинок в заметных местах. Именно таким

оно и должно было быть.

Наконец чайник выключился. Он засыпал в чашку заварку, залил кипятком. Пока чай настаивался, проверил телефон. Ни пропущенных вызовов, ни новых сообщений. Рабочая почта – три письма: протоколы по закрытым делам, уведомление о плановой проверке архива, приглашение на семинар по новым методикам допроса. Ничего срочного.

Он сел за стол. Выпил чай медленно, маленькими глотками. Вкус был горьковатым, как всегда. В голове автоматически прокрутился план дня. Основное – допрос по делу о краже со склада. Дело простое: есть запись с камер, есть признания двух из трёх подозреваемых, останется только оформить бумаги и передать в суд.

Телефон зазвонил в шесть сорок пять. Неизвестный номер на экране. Макар не стал сразу брать трубку. Он наблюдал, как вибрирует аппарат на столе. Звонок оборвался, но через пятнадцать секунд начался снова.

Он поднял трубку.

– Алло.

– Ильин? – Голос начальника, Подгорного. Хриплый, будто он только что проснулся или выкурил первую сигарету.

– Я.

– Меняй свои планы. Вылет в Никольск. Рейс в десять двадцать, успеешь. Билет и данные по делу уже на твоей почте.

Макар не спросил причин. Подгорный не любил давать объяснения по телефону.

– Характер дела?

– Несчастный случай в частной клинике. Местные уже всё понапутали. Нужен человек, который разберётся быстро и без шума. Оформишь, отчитаешься, вернёшься.

Частная клиника. Несчастный случай. Обычная бумажная работа.

– Понял. Какие документы нужны на месте?

– Всё дадут. Клиника называется «Элевсис». Возьми вещей на два-три дня. И, Ильин...

– Да?

– Там специфический контингент. Не давай волю эмоциям.

Связь прервалась. Макар положил телефон на стол. «Специфический контингент». Что это могло значить? Реабилитационный центр для богатеев? Психоневрологический диспансер? Или просто пациенты с влиятельными родственниками?

Он вылил остатки чая в раковину. Заметил, что тарелка в посудомойке стоит не под тем углом, поправил её. Прошёл в спальню. Из шкафа достал чёрный чемодан на колёсиках. Нейтральная модель, как у тысяч других людей. Упаковал два костюма, три рубашки, нижнее бельё, туалетные принадлежности в прозрачных флаконах. Ничего личного. Ни книг, ни фотографий, ни памятных безделушек.

Перед выходом провёл финальную проверку. Окна закрыты, вода перекрыта, свет выключен. У двери замер на мгно-

вание, прислушиваясь к тишине за ней.

После этого Макар вышел, повернув ключ в обоих замках по два раза. Спустился по лестнице пешком. Лифтом не пользовался принципиально – кабина была ловушкой. На улице моросил осенний дождь. Его машина, серая иномарка, стояла под фонарём. Он обошёл её, проверяя колёса и стёкла. Ни новых царапин, ни следов вмешательства. Сел за руль, завёл двигатель. Навигатор проложил маршрут до аэропорта. Пробок не было.

По дороге мозг начал обрабатывать задачу. Несчастный случай в частной клинике. Зачем для этого вызывать следователя из другого региона? Значит, есть осложняющие факторы. Погибший – человек со связями. Или сама клиника – чей-то дорогой проект. Или проблема в пациентах.

Специфический контингент.

Он припарковался на долговременной стоянке. Прошёл в терминал, сдал чемодан в багаж и получил посадочный талон. На регистрацию ушло четыре минуты.

Макар направился прямо к рамкам контроля. В очереди перед ним стояла женщина с маленькой девочкой. Девочка капризничала, тянула мать за руку. Макар смотрел сквозь них, концентрируясь на своих мыслях. Нужно будет сразу запросить записи с камер наблюдения. Получить полный список персонала и пациентов, находившихся на территории. Запросить историю инцидентов в учреждении за последние два-три года.

На контроле он снял ремень, часы, выложил из карманов телефон, ключи, мелочь. Прошёл через рамку. Сигнала не было. Оделся с той же методичностью. Часы на левую руку. Ремень застёгнут на третью дырку. Телефон в правый карман пиджака.

В самолёте его место было у иллюминатора. Он пристегнул ремень. Стюардесса прошла с инструктажем по безопасности. Он кивком показал, что всё понял, не отрывая взгляда от иллюминатора. По стёклам стекали струйки воды.

Самолет взлетел, набирая высоту сквозь облака. Макар прикрыл глаза. Он не спал. Он отключал внешние раздражители, погружаясь во внутреннюю тишину. В этой тишине чётко звучала одна мысль, появившаяся после звонка Подгорного.

Подгорный сказал: «Не давай волю эмоциям». Подгорный никогда не делал таких личных предупреждений. Значит, была причина. Клиника. Пациенты. Что-то, что могло вывести из равновесия.

Вывод: ситуация нестандартная. Вероятность, что это несчастный случай – ниже пятидесяти процентов.

Он открыл глаза. За иллюминатором расстилалась белая пелена облаков. Однородная, без деталей. Как его собственная биография последних двенадцати лет.

Самолет приземлился в одиннадцать двадцать. В зоне прилёта его уже ждал молодой лейтенант в полицейской форме.

– Макар Ильич? Меня направили вас встретить. Машина у выхода.

Лейтенант пытался поддержать беседу – говорил о том, как быстро долетели, о погоде в регионе. Макар отвечал односложно. Его внимание было приковано к виду за окном. Городок был небольшим, ухоженным. На билбордах вдоль дороги мелькала реклама медицинских центров. «Клиника «Элевсис» – обретение нового себя».

Через пятьдесят минут они свернули на закрытую территорию. Высокий забор, ворота с электронным замком. Камеры на столбах каждые двадцать метров. Лейтенант показал документы охраннику. Ворота бесшумно разъехались.

Клиника «Элевсис» напоминала дорогой спа-отель. Современное здание из стекла и бетона с панорамными окнами. Ухоженные газоны, дорожки, выложенные плиткой. Ни вывесок, ни указателей.

У главного входа стоял мужчина в идеально отглаженном белом халате. Он представился как Александр Викторович Громов, директор и главный хирург. Рядом с ним стояла женщина в строгом костюме, администратор клиники «Элевсис», Инна.

– Благодарю за оперативность. Приношу извинения за беспокойство. Произошёл досадный инцидент.

Они прошли внутрь. В холле было тихо. Пациентов не было видно. Воздух пахло смесью кофе, зелени и стерильной чистоты.

– Пострадавший? – спросил Макар, не замедляя шага.

– Наш штатный психолог, Лев Корнев. Обнаружен сегодня около шести утра у лестницы в административном корпусе. Предположительно, упал ночью. Черепно-мозговая травма.

– Предположительно?

Громов слегка замедлил шаг. Он повёл Макара по коридору вглубь здания.

– Видите ли, у нас здесь особые пациенты. Они проходят комплексную реабилитацию после серьёзных пластических операций. Для них подобные потрясения могут свести на нет все результаты лечения. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы всё было улажено максимально корректно и без лишнего шума.

– Где находится тело сейчас?

– В изоляторе на первом этаже. Участковый врач констатировал смерть, но я просил не трогать ничего до вашего приезда. Для чистоты процедуры.

Они спустились по широкой лестнице в служебную часть. Здесь было прохладнее, воздух пахло антисептиком. Громов открыл дверь в небольшую комнату без окон. В центре на медицинском столе под светлой простынёй лежало тело.

Макар подошёл. Громов остался у порога.

– Осматривайте. Я подожду здесь.

Макар достал из кармана пиджака одноразовые перчатки, натянул их. Снял простыню. Перед ним лежал мужчина лет

пятидесяти. Темные волосы с проседью, правильные черты лица. Одет в дорожную рубашку из голубого оксфорда и тёмные брюки. На левом виске – тёмно-багровая гематома. Ссадина на скуле.

Но это были не главные детали.

Правая рука была вывернута в неестественной позе, предплечье явно сломано. При падении с лестницы ломают ключицы, рёбра, голени, но не ломают предплечье таким специфическим образом. Это похоже на травму, полученную при попытке защититься или во время борьбы.

Он осмотрел манжеты рубашки. На левой, ближе к кисти, было размазанное коричневое пятно. Не похожее на кровь. Больше похоже на грунт, землю. Но откуда земля в стерильном коридоре клиники?

Он наклонился ниже. Запах. Слабый, едва уловимый, но узнаваемый. Горький миндаль.

Факт: характер травмы не соответствует версии о падении. Факт: загрязнение на одежде не соответствует месту обнаружения. Факт: присутствует запах, характерный для цианистых соединений.

Это не было несчастным случаем.

Он накрыл тело простынёй и повернулся к Громову.

– Необходимо изолировать всех сотрудников, находившихся в здании с десяти вечера до шести утра. А также всех пациентов, которые могли что-то видеть или слышать.

– С пациентами... это может быть проблематично. Они

находятся в состоянии...

– В состоянии чего?

Громов сделал глубокий вдох.

– Они проходят финальный этап адаптации к новому облику. У них новые документы, новые биографии. Любое внешнее вмешательство, особенно со стороны правоохранительных органов, представляет для них экзистенциальную угрозу.

Макар смотрел на него, не мигая. В сознании что-то щёлкнуло, встало на свои места. Специфический контингент. Люди с новыми лицами. Беглецы от собственного прошлого.

В глубине, под слоями выученных процедур и самоконтроля, шевельнулось что-то знакомое. Давно похороненное и законсервированное.

– Это не имеет значения, – сказал он ровным голосом. – Теперь они – либо свидетели, либо потенциальные подозреваемые. Где они находятся сейчас?

– В своих палатах. Но должен вас предупредить... Они не станут с вами разговаривать. Их главный инстинкт – избегать внимания любой ценой.

– Это уже не их решение. И не называйте меня детектив. Он вышел из изолятора. Громов поспешил следом.

– С чего вы начнёте?

– С видеозаписей. И с полного списка присутствовавших в ночь происшествия.

– Насчёт видеозаписей... – Громов слегка замялся. – В ту

ночь проводилось плановое техническое обслуживание серверов. Система видеонаблюдения была отключена на короткий период.

Макар остановился. Повернулся к нему лицом.

– На какой период?

– На несколько минут. Сбой в синхронизации.

– Точное время?

– Приблизительно с двух до двух пятнадцать ночи.

Время смерти ещё предстояло установить точно. Но совпадение было слишком уж удобным.

– Кто имеет полный доступ к системе наблюдения?

– Только наш системный администратор. Андрей Волков.

– Найдите его. Доставьте сюда. И принесите мне тот список. Сейчас.

Он направился к выходу из служебного крыла. На стене в простой металлической раме висело зеркало. Мельком поймав в нём своё отражение, он увидел обычное лицо. Лицо человека по имени Макар Ильин.

Но здесь, в этом здании, где люди покупали себе новые жизни, это лицо вдруг показалось ему такой же маской, как и те, что носили пациенты. Только его маску выдало государство по строгому регламенту. А их – кто?

Вывод: инцидент не является несчастным случаем. Вывод: кто-то в этом здании обладает высокими навыками сокрытия информации. И, вероятно, аналогичными навыками в применении насилия.

Он поправил воротник свитера, ощущая под пальцами мягкую шерсть. Развернулся и пошёл навстречу первому свидетелю. В сознании уже выстраивалась последовательность: видео, временные рамки, установление алиби, поиск мотивов. И один вопрос, который он пока задавал только самому себе.

Сколько из этих людей с новыми лицами готовы на убийство, чтобы их старые лица никогда не были найдены?

Он сел в предложенное кресло в пустом кабинете, выделенном для допросов. Дверь закрылась с тихим звуком. Тишина снаружи была абсолютной, но внутри него сами собой завелись невидимые шестерёнки. Отсчёт начался.

Глава 1

Комната была нейтральной: стол, два стула, окно во внутренний двор. Ни лишних предметов, ни шумов. Он выложил на стол блокнот, ручку и список от Громова.

Факт: четверо пациентов. Смирнова, Волошин, Крылова, Петров. Новые имена.

Факт: трое сотрудников ночной смены. Медсестра Соколова (нашла тело), охранник Лобанов, санитар Мельников.

Факт: системный администратор Волков (убыл по графику, но мог задержаться).

Вопрос: кто из них входил в «специфический контингент» и имел дело с Корневым?

Дверь открылась. Вошла женщина лет тридцати в медицинском халате. Елена Соколова. Лицо бледное, под глазами тени. Она села, положила руки на колени. Пальцы были сплетены, чтобы не дрожали.

– Расскажите, как обнаружили тело, – сказал Макар, не представляясь. Его голос был ровным, без сочувствия.

– Я делала обход и укол пациенту в крыле Б. Возвращалась через служебный коридор. Увидела его на лестничной площадке. Сначала подумала, что он просто упал и потерял сознание.

– Вы подошли?

– Да. Проверила пульс. Его не было. Кожа была холодной. Я позвонила на пост охраны.

– Что делали до этого? Слышали ли какие-то звуки? Шум, крики, шаги?

– Нет. В ночную смену всегда тихо. Пациенты под седативными. Слышала только гул вентиляции.

– Вы знали Льва Корнева лично?

– Как коллегу. Он иногда заходил в пост за чаем. Был спокойным, ни с кем не конфликтовал.

– У него были напряженные отношения с кем-то из пациентов или персонала?

– Не знаю. Он не обсуждал со мной свою работу. И я с ним тоже.

Её ответы были гладкими, отрепетированными. Но её взгляд всё время скользил к двери.

– Вам есть что добавить? Любая деталь.

– Нет. Я всё сказала.

Макар кивнул, сделал пометку. «Соколова: напугана, но контролирует себя. Возможно, что-то скрывает».

– Спасибо. Попросите зайти охранника Лобанова.

Охранник оказался крепким мужчиной за сорок, с выправкой бывшего военного. Сидел прямо, смотрел вперёд.

– Что вы делали прошлой ночью? – спросил Макар.

– С двадцати двух – проверка периметра. С двадцати трёх – стационарный пост у главного входа. В час ночи получил сообщение от Волкова о начале работ, отключил мониторы

наблюдения на время. В три десять – включил обратно. В шесть двадцать – вызов от медсестры Соколовой.

– Между часом и тремя – вы покидали пост?

– Нет. Дежурный журнал фиксирует.

– Слышали что-то? Видели кого-то в коридорах?

– Нет. Но я нахожусь на первом этаже. Лестница в служебном крыле – на другом конце здания. Я бы не услышал.

– Кто, кроме вас, мог перемещаться ночью без фиксации?

– Персонал с ключ-картами. Пациенты не могут – их палаты блокируются снаружи в десять вечера.

– Кто из персонала был в ночную смену, кроме вас и Соколовой?

– Санитар Мельников. Он работает в прачечной и развозит бельё. Его можно было видеть в коридорах.

Макар записал: «Лобанов: формалист. Даёт чёткие, но ограниченные ответы. Возможно, знает больше о внутренних порядках».

– Корнев часто задерживался допоздна?

– Иногда. У него была комната в жилом блоке для персонала. Но в ту ночь его не должно было быть.

– Откуда знаете?

– Говорил на прошлой неделе, что уезжает в командировку.

Новая деталь. Корнев мог лгать о своих планах. Или его планы изменились.

– Спасибо. Пришлите санитара.

Игорь Мельников оказался сутулым мужчиной лет пятидесяти. Зашёл, оглядел комнату беспокойным взглядом.

– Чем занимались прошлой ночью? – спросил Макар.

– Работал в прачечной. Потом развозил чистое бельё по палатам в крыле А.

– В какое время?

– С половины второго ночи до двух, наверное. Не следил.

– Видели кого-нибудь? Слышали что-то?

– Нет... Да нет, вроде. В два, может, слышал шаги на верхнем этаже. В служебном крыле. Но это может кто угодно.

– Могли бы это быть шаги Корнева?

– Не знаю. Не могу точно сказать.

– Вы знали Корнева?

– Видел. Но не общался, не по статусу.

Его ответы были уклончивыми, взгляд бегал. Макар задал ещё три уточняющих вопроса, но не выжал ничего конкретного. Мельников явно боялся, но неясно – самого расследования или кого-то в клинике.

Когда санитар ушёл, Макар взглянул на список. Остались пациенты. Он решил начать с того, чья палата была ближе всего к лестнице. По плану Громова – это Петров, палата 214.

Перед тем как идти, он проверил внутреннюю почту на телефоне. Пришёл ответ из лаборатории: предварительный анализ пятна на манжете. Состав: почва, органика, следы химического соединения на основе цианида. Официальное за-

ключение – через два дня.

Факт: яд подтверждён. Убийство.

Вопрос: где произошло отравление? Не на лестнице. Значит, тело перенесли.

Он встал и направился в палату 214. По дороге миновал остеклённую галерею, выходящую в сад. На идеально подстриженном газоне он заметил нарушение – две параллельные полосы примятой травы, ведущие от служебного выхода к центральной дорожке. Как от колёс тележки.

Факт: возможно, тело транспортировали через сад. В обход внутренних камер.

Он сфотографировал следы, двинулся дальше. Дверь в палату 214 была обычной, но с электронным замком. Он постучал.

– Войдите, – раздался спокойный мужской голос.

Палата 214 была больше похожа на гостиничный номер. Деревянный пол, нейтральные цвета на стенах, кровать, рабочий стол, кресло. У окна стоял мужчина, смотрящий в сад. Он обернулся на стук. Лицо – обычное, ничем не примечательное, с аккуратными, свежими шрамами вдоль линии скул и у висков. Стадия заживления – около месяца.

– Макар Ильин, следователь, – представился Макар, оставаясь у двери. – Задам несколько вопросов о прошлой ночи.

– Пожалуйста, – мужчина жестом пригласил его внутрь. Его движения были плавными, слишком контролируемы. – Садитесь. Я – Петров. По документам. Давайте без

имен.

Он произнес последнюю фразу с легкой иронией. Макар занял стул у стола. Петров сел напротив, положив руки на колени.

– Где вы были прошлой ночью с десяти вечера до шести утра?

– Здесь. Дверь блокируется снаружи. Вы можете проверить журнал посещений. В девять тридцать медсестра принесла снотворное. Я принял и лег спать.

– Просыпались? Слышали что-то необычное?

– Нет. Снотворное сильное. Я проснулся только в семь утра от звука сирены скорой за окном.

Макар наблюдал за его лицом. Ни одного лишнего движения.

– Вы знали Льва Корнева?

– Да. Он был моим психологом. Мы работали над адаптацией.

– Как вы оценивали ваши с ним отношения?

– Профессиональные. Он был компетентен. Помогал... собрать новую личность из того, что осталось.

– Были ли у вас с ним конфликты?

– Нет. – Петров немного помолчал. – Но он задавал неудобные вопросы. Прошное. Про то, зачем я здесь. Он пытался докопаться до истинных мотивов, а не до тех, что указаны в моем деле.

– И каковы ваши истинные мотивы?

Петров улыбнулся уголком рта. Улыбка не дошла до глаз.

– Это выходит за рамки вашего расследования, следовательно. Или нет?

Макар не стал настаивать. Он перевел взгляд на книгу на столе. Старинный том в кожаном переплете, без названия.

– Вы читаете?

– Перечитываю. «Преступление и наказание». Иронично, да?

Макар кивнул. Он заметил на тумбочке у кровати очки в тонкой оправе.

– Это ваши?

– Да. Для чтения.

– Вы носили их вчера вечером?

– Да. Почему вы спрашиваете?

Вместо ответа Макар задал другой вопрос.

– Что, по-вашему, произошло с Корневым?

Петров вздохнул, откинулся в кресле.

– В этом месте у людей много причин бояться. И много причин скрывать. Корнев знал слишком много чужих тайн. Рано или поздно это должно было закончиться плохо.

– Вы считаете, его убил кто-то из пациентов?

– Я считаю, что в «Элевсисе» нет случайных смертей. Только запланированные... или вынужденные.

Дверь палаты открылась, не постучав. На пороге стоял Громов.

– Извините за вторжение. Макар Ильич, вам срочный зво-

нок из лаборатории.

Макар извинился перед Петровым и вышел в коридор. Громов протянул ему телефон.

– Это по вашему запросу.

Макар взял трубку.

– Слушаю.

– Предварительные результаты по образцу грунта, – сказал женский голос. – Состав соответствует почве из внутреннего сада клиники. Но есть аномалия – микрочастицы пластика и металла, характерные для копоты. Как от электродуговой сварки или пайки.

Факт: грунт с манжеты – из сада. Значит, тело тащили через сад. Факт: следы копоты. Значит, контакт с местом, где паяли или варили. В клинике?

– Где в клинике может быть такое оборудование?

– Спросите в клинике, – сухо ответили на том конце провода и положили трубку.

Макар вернул телефон Громову.

– У вас есть сварочное или паяльное оборудование?

– Только в мастерской в подвале. Для ремонта инвалидных колясок и мебели. Но там никто не работает ночью.

– Кто имеет доступ?

– Завхоз Виталий Онищенко. Санитар еще, Мельников. Волков тоже иногда что-то чинит там.

Макар добавил это в блокнот. Три имени: завхоза, санитара и IT-администратора.

– Мне нужно в мастерскую. И потом поговорю с остальными пациентами.

– Позвольте, я покажу вам дорогу, – сказал Громов.

Спуск в подвал пересекался с местом, где нашли тело. Лестница казалась еще более мрачной при дневном свете, падающем сверху.

Мастерская находилась в конце узкого коридора. Дверь была не заперта. Внутри пахло машинным маслом, пылью и горелым пластиком. Макар нашарил рукой выключатель и включил свет.

Комната была заставлена стеллажами с запчастями. На верстаке лежал паяльник, рядом – канифоль, припой. На полу у стены стоял сварочный аппарат, покрытый тонким слоем пыли. Но на его рукоятке пыль была стерта. Кто-то недавно брал его в руки.

Макар осмотрел пол. Возле аппарата на сером бетоне были видны темные полосы – следы чего-то тяжелого, что тащили. Он наклонился. В щели между бетонными плитами застрял мелкий осколок стекла. Он поднял его пинцетом из набора на верстаке. Кусочек линзы. Толстый, с диоптриями.

Факт: кто-то недавно пользовался аппаратом. Факт: тащили что-то тяжелое. Факт: осколок линзы. Возможно, от очков.

Он вспомнил про очки на тумбочке у Петрова. Тонкая оправа. Этот осколок был от более толстой линзы. Но про-

верить нужно.

Макар положил осколок в пакет, осмотрел сварочный аппарат подробнее. На матовой поверхности регулировочного колеса ясно читался папиллярный отпечаток. Несмазанный, хорошей четкости. Но сам след был композитным – в папиллярных линиях просматривались вкрапления. Макар различил два компонента: фоновую грязь (смесь технической пыли и, возможно, грунта) и основной окрашивающий агент – маслянистое вещество, сделавшее отпечаток контрастным на светлой поверхности. Скорее всего, машинное масло или консистентная смазка с верстака.

Факт: отпечаток оставлен не голой кожей, а загрязненной. Факт: загрязнение имеет специфический состав, который можно сопоставить с веществами в мастерской. Факт: четкость позволяет провести дактилоскопическую экспертизу.

Он сфотографировал отпечаток в макрорежиме – сначала общий план, затем несколько кадров под разными углами для захвата рельефа. Другие манипуляции требовали оборудования, которого у него не было. Фото с хорошим разрешением для сравнения с базой пока будет достаточно.

На всякий случай он снял отпечаток, воспользовавшись обычным скотчем.

– Часто тут кто-то работает ночью? – спросил он у Громова, стоявшего у двери.

– Нет. Это запрещено. Шум может беспокоить пациен-

тов.

– Кто последний брал аппарат?

– Не знаю. Возможно, завхоз. Он отвечает за мелкий ремонт.

Макар сделал еще несколько снимков комнаты и вышел. По дороге обратно он снова остановился у вентиляционной решетки. Теперь при свете фонарика он разглядел на ее краю не только прямоугольный след, но и несколько темных волокон, которые зацепились за неровный металл. Он аккуратно извлек их пинцетом. Темно-синие синтетические волокна. От спецодежды? От сумки?

– Что это? – спросил Громов.

– Ничего особенного, – ответил Макар. – Вернемся к пациентам. Кто следующий в списке?

Они поднялись на первый этаж. Громов заглянул в планшет.

– Смирнова. Палата 207. Она довольно замкнута.

Палата 207 была оформлена мягче. Цветы на подоконнике, вязаный плед на кресле. Женщина, выглядевшая на тридцать с небольшим, сидела у окна. Ее лицо было тщательно восстановлено, но левая рука, лежавшая на подлокотнике, была покрыта тонкими, старыми шрамами. Она не обернулась, когда они вошли.

– Анна Смирнова? – сказал Макар.

– Да. – Голос был тихим, без интонаций.

– Я задам несколько вопросов о прошлой ночи.

– Я ничего не слышала. Я сплю с таблетками. Крепко.

Макар сел на стул рядом, но не напротив, а немного сбоку, чтобы не загораживать свет.

– Вы работали с Львом Корневым?

– Да.

– Как вы к нему относились?

– Он... пытался помочь. Говорил, что шрамы на душе заживают дольше, чем на лице.

– Это помогало?

– Нет. – Она наконец повернула голову. Ее глаза были пустыми, усталыми. – Ничто не помогает. Только тишина. А здесь тишины нет. Здесь повсюду чужая боль.

– Вы имеете в виду других пациентов?

– Всех. Мы все здесь – ходячие раны. А Корнев был... хирургом без скальпеля. Он копался в нас. Иногда это было больно.

– Он задел вас за живое?

– Он задевал всех. Он искал слабые места. Говорил, это нужно, чтобы построить новую защиту. Но иногда казалось, что он просто любопытствовал.

Она отвернулась к окну снова, давая понять, что разговор окончен. Макар встал.

– Если вспомните что-то важное, сообщите мне.

– Я ничего не вспомню. Я стараюсь ничего не помнить.

Выйдя в коридор, Макар спросил у Громова:

– Что с ее рукой? Старые ожоги?

– Травма из прошлой жизни. Мы восстановили функциональность, но шрамы остались. Она жертва бытового насилия. По легенде.

По легенде. Значит, реальная причина могла быть иной.

– Следующий, – сказал Макар, глядя в список. – Крылова, 215.

Лидия Крылова оказалась женщиной лет сорока с резкими, угловатыми движениями. Она не сидела на месте, ходила по палате во время разговора.

– Ночь? Спала. Как убитая. Ничего не слышала.

– Вы знали Корнева?

– Конечно, знала. Надоедливый тип. Вечно лез с вопросами: «Что вы чувствуете? О чем думаете?». Я плачу здесь деньги не за чувства, а за новое лицо и документы.

– У вас были с ним конфликты?

– Конфликты? Нет. Я просто его игнорировала.

– Он задавал вопросы о вашем прошлом?

– Всегда. Я отмалчивалась. Мое прошлое – мое дело.

Она остановилась у окна, закурила электронную сигарету. Курение в палатах было запрещено, но она явно не считала нужным соблюдать правила.

– А другие пациенты? Они с ним общались?

– Петров – его любимчик. Сидели часами, беседовали о высоком. Смирнова – боялась его как огня. Волошин... тот просто делал вид, что сотрудничает.

– А вы? Тоже делали вид?

– Я? Я честно сказала, что хочу от клиники. Только новое лицо и бумаги. Больше ничего.

Ее откровенность казалась наигранной. Макар решил надавить.

– Вас не смущает, что его убили?

– Смущает. Значит, кто-то тоже устал от его вопросов. Или нашел более радикальный способ закрыть ему рот.

Лидия выдохнула облако пара.

– Вам стоит поговорить с Волошиным. Он что-то скрывает. Всегда ходит напряженный, как пружина. И прошлой ночью... мне кажется, я слышала, как его дверь скрипнула. Где-то после двух.

Новая деталь. Если правда – то Волошин мог выходить ночью.

– Вы уверены?

– Нет. Не уверена. Может, почудилось. Но дверь у него действительно скрипит. Жаловался администрации, но никто не починил.

Макар поблагодарил ее и вышел. В коридоре он сверился с планом. Палата Волошина – 221, дальше по коридору. Он ускорил шаг. Теперь разговор с Волошиным был еще важнее. Дверь палаты Волошина действительно издала тихий скрип, когда он открыл ее без стука.

Мужчина, сидевший на кровати, дернулся, увидев Макара.

– Кто вы? – его голос был сдавленным.

– Следователь. Я задам вам несколько вопросов о прошлой ночи.

– Я... я ничего не знаю. Я спал.

– Вы выходили ночью?

– Нет! Я не выходил. Я вообще стараюсь не выходить.

Макар заметил, что руки мужчины дрожали. На тумбочке стоял пустой стакан, пахнувший лекарствами.

– Вы принимали что-то сильное?

– Успокоительное. Мне... тяжело здесь.

– Вы боитесь?

Волошин кивнул, не глядя на него.

– Здесь все боятся. Все, кто скрывается. А Корнев... он знал, кто мы. Настоящие. И он пользовался этим.

– Шантажировал?

– Нет... Не прямо. Но он намекал. Говорил, что наше прошлое может вернуться, если мы не будем... сотрудничать. Помогать ему.

– В чем?

– Я не знаю. Он что-то искал. Спрашивал про других. Про их слабости. Я думал... он собирал досье. На всех нас.

«Черный дневник», мелькнула мысль у Макара. Если Корнев собирал компромат на пациентов, то это был мощный мотив для убийства. Не просто чтобы он замолчал, а чтобы уничтожить улики.

– Он угрожал вам лично?

– Он говорил, что знает, почему я здесь. И что если я не

буду откровенен, он может «случайно» намекнуть кое-кому из моего прошлого, где я нахожусь.

– И вы ему поверили?

– После того, что случилось с... с одной пациенткой полгода назад, я поверил. Она отказалась с ним работать. И через неделю ее «нашли» ее бывшие. Случайность, да?

Макар записал это. Возможная предыдущая жертва шантажа.

– Ее имя?

– Я не знаю. Мы используем здесь только новые имена. Но ее звали... кажется, Ольга. Она ушла отсюда раньше срока. Говорили, что ее психологически сломали.

– У вас есть какие-то доказательства? Записи, заметки?

– Нет. Но Корнев вел черную тетрадь. Все это видели. Он с ней не расставался.

Факт: черный дневник – не выдумка. Его видели.

Вывод: убийца мог забрать его после убийства. Или до.

– Спасибо, – сказал Макар. – Я вернусь, если появятся еще вопросы.

Он вышел, оставив Волошина в его тревоге. В коридоре он остановился, сверив время. Первый круг опроса завершен. У него теперь было несколько улик и фактов – подтверждение применения яда, следы в саду и в мастерской, отпечаток пальца человека, возможно, с криминальным прошлым, упоминание о шантаже и «черном дневнике» и довольно-таки противоречивые показания пациентов.

Следующий шаг – найти связь между отпечатком и одним из четверых. И найти дневник. Макар направился к серверной. Ему нужен был доступ к базе пациентов. Не к легендам, а к биометрическим данным: отпечаткам, которые они сдавали при поступлении. И Андрей Волков был ключом к этой информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.